

На следующий день... Я проспала.

— ... М... Уже семь тридцать... А-а-а-а-а-а?!

Я взяла телефон с тумбочки, посмотрела на время. А потом подлетела с кровати и поскакала вниз.

Плохо. Просто ужасно.

Это уже совсем заброшенный случай, когда домохозяйка в семь тридцать встаёт.

В семь тридцать... Моя дочь уже должна из дома выходить!

— А... Что делать, что делать? Завтрак, обед... Нет, вначале надо Миу разбудить...

— ... А. Доброе утро, мама.

Переполняемая отчаянием, я спустилась вниз, а в гостиной уже была Миу.

— Встала наконец.

— ... Миу. П-прости, я сейчас завтрак приготавливаю...

— Не переживай. Я уже хлопья поела, — спокойно ответила она. Похоже успела позавтракать.

И вообще на ней уже форма. Волосы уложены, на плече школьная сумка.

Готова идти в школу.

— Вчера я рано легла, вот и проснулась рано. А, обед я куплю, так что не переживай.

— ... Вот как. Прости, завтра буду готовить как обычно.

— Да ничего. Редко ты так долго спишь. Вчера допоздна с братиком Таки пила?

— ... М?!

Услышав имя Таккуна, я тут же напряглась. В сонной голове всё тут же прояснилось.

— Э-это... Д-д-даже и не знаю...

Самой смешно, как голос дрожит, ещё и глаза бегают.

Не то, чтобы мы допоздна пили.

В кровать я легла как и всегда в одиннадцать.

Просто... Никак заснуть не могла.

Лежала под одеялом, а мысли из головы вообще уходить не собирались.

... Я люблю вас, Аяко-сан.

Перед сном было шокирующее признание, и такое серьёзное, оно всё в голове крутилось...

— Что с тобой, мама? Ты вся красная, всё нормально?

— А?!

Я тут же коснулась щёк, как же они горят.

— У тебя не жар, случаем? Термометр принести?

— В-всё нормально! Я в полном порядке!

— Тогда ладно... А. Братик Таку, доброе утро.

Голова в одно мгновение прояснилась. Друг детства моей дочери как обычно пришёл её проводить.

— Да. Доброе, Миу.

И вот Таккун посмотрел на меня.

— ... Д-доброе утро, Аяко-сан.

Голос был напряжённым, и на лице была неловкость. Он был озадачен и смущён.

Да и у меня самой... В голове было пусто. Каждый день его видела, а сегодня в глаза посмотреть не могу.

— Д-д-доброе утро, Таккун... А?!

Вспомнив, в каком я виде, я смутилась. Всё ещё в пижаме, а волосы растрёпанные. Я тут же стала приглаживать их руками.

— П-прости! Д-даже в порядок себя не привела!..

— ... Ты чего разволновалась, мама? Подумаешь, братик Таку в пижаме увидел.

После холодного замечания Миу я пришла в себя. Он ведь столько раз ночевал у нас и видел меня в пижаме. И без макияжа он меня видел, какой я только перед ним ни показывалась.

У-ува... Стыдно-то как!

Чем я вообще занималась?!

И чего я как девочка-подросток реагирую?!

Теперь мне ещё более неловко не от пижамы, а от того, что я смущаюсь стоять тут перед ним в пижаме.

Будто.

Внезапно осознала, что Таккун мужчина...

— ... Миу. Прости, можешь идти вперёд.

Пока я с ума сходила, он обратился к моей дочери.

— Мне надо поговорить с Аяко-сан.

— Хм? Ну ладно, без проблем.

Миу удивилась, но возражать не стала, обулась и вышла.

Дверь закрылась.

Мы остались одни, и в помещении повисло напряжение.

И вот он нарушил тишину.

— Так вы проспали, — сказал Таккун. — Нечасто вы просыпаете.

— А-ага... П-просто заснуть всё не могла.

— ... Я тоже вчера заснуть не мог, — сказал он, глядя прямо на меня.

Глаза такие же до ужаса серьёзные, как и вчера.

— Аяко-сан, я...

— В-всё нормально! Я понимаю, всё понимаю! — я сама не поняла, как вскрикнула.

Не давая ему договорить... Отказываясь слышать продолжение.

— П-притворимся, что вчера я ничего не слышала.

— А...

— Так что... Можешь ни о чём не переживать, Таккун. П-понимаешь же? Мы напились. Ну вот... Так всё и вышло. Понимаю... Я всё понимаю.

— Аяко-сан... Я.

— З-забудем. Вместе забудем то, что вчера было. В-всё нормально... Я уже взрослая женщина. А не ребёнок, который всерьёз пьяные разговоры воспринимает...

— Аяко-сан!

Серьёзный тон заставил меня застыть.

— Почему вы говорите это?..

Таким... Я Таккуна не видела. Разозлённый и опечаленный.

— Вчера я... И правда перебрал и был слишком возбуждён. И сказал всё спьяну... Это правда.

«Но», — продолжил он.

— Всё сказанное — правда.

— ... М.

— Я люблю вас, Аяко-сан. Всегда любил... — сказал он.

Продолжал так, будто слетел с тормозов.

Пытался донести до меня свои чувства...

— Для вас я возможно всего лишь мальчишка, я уже столько раз думал сдать... Но всё же я вас люблю. Я правда хочу быть с вами.

— Таккун.

— Я не требую ответ прямо сейчас... Но... Я буду рад, если вы подумаете.

«Ну... Я пошёл», — сказал он.

И вышел из прихожей.

А я шлёпнулась прямо на месте.

— ... Он серьёзно?

Похоже не шутит. Если бы вчерашнее признание было шуткой, если бы всё было из-за алкоголя, вот чего я хотела.

И потому... Неосознанно я решила считать всё это шуткой.

Предложила всё забыть.

Но.

Его искренность, его страсть... Не позволили моему хитрому плану побега сработать.

И теперь я в ситуации, когда все мосты сожжены.

Истинные чувства Атерадзавы Такуми...

— Таккун... На самом деле любит меня... Всегда любил и мучился от неразделённой любви... У, а, ува, а...

Я схватилась за голову. До этого переживала, что я в пижаме расхаживаю, а теперь у меня голова была готова взорваться.

— ... Ч-что мне желать?..

— Такуми, подъём, — меня потрясли за плечи, и я открыл глаза.

Я в сто втором кабинете здания экономического факультета.

У нас была лекция по современной экономике... А я похоже уснул. Я тут же подскочил, но преподавателя уже не было, а студенты вставали со своих мест.

— Блин...

— Всё основное я записал, сделать копию?

— А, спасибо. Очень выручишь.

— Да ладно. Ты же всегда за мной присматриваешь, — сказал Сатоя и мило улыбнулся. Своим милым почерком он отметил все важные места на лекции.

Ринго Сатоя.

Невысокий и худощавый. Выглядит как ученик средней школы, а ещё у него собранные в хвост длинные волосы.

Даже не подумаешь, что мы ровесники.

Одет всегда стильно, а ещё со всякими блестящими побрякушками. Вроде парень... Может я такой отсталый, но у него даже ногти покрашенные.

Если говорить как есть, он миленький стильный красавчик.

Сатоя мой друг с того же факультета, сейчас мы даже на одни семинары ходим. Почти все курсы у нас одинаковые, потому мы часто ходим вместе.

— Хотя необычно. Ты и уснул.

— Вчера не спалось.

— Хм? Какие-то задания всю ночь делал?

— Нет, не задания.

— Значит... Всё думал о мамочке, живущей по соседству.

— ... М.

— О, угадал.

Детское лицо Сатоя искривилась и появилась хитрющая улыбка.

— Легко же тебя понять, Такуми. Изменять ты точно не сможешь.

— ... Заткнись.

Болтая, мы вышли из аудитории и пошли в столовую.

Там в это время было оживлённо.

Мы встали в очередь за талонами. Я взял карри, а Сатоя заказал локо-моко, после мы нашли свободные места, куда и сели.

— ... А? Что... Признался? Серьёзно? — его глаза округлились, когда он услышал это.

Я ему уже рассказал о чувствах к Аяко-сан... Моей любви к живущей по соседству уже десять лет матери-одиночке.

Как-то ляпнул, когда мы выпивали.

— Ого. Ого... Ува, и что теперь? Интересненько.

— ... Ничего интересенького. Для меня всё серьёзно.

— Знаю. Прости, но ведь и правда интересно. Всё же лучший друг сделал шаг навстречу своей любви, которой уже десять лет.

Свой интерес Сатоя скрыть не мог. Чёрт. Говорит так, будто это ничего не значит.

Эх.

Я сам... До сих пор не верю.

Взял и признался. Вспоминаю, и от стыда умереть хочется.

Мне не о чем сожалеть... Было бы круто так сказать, но я сожалею. Ещё как. Очень сильно. Всё мучился с тех пор, как лёг на кровать. Столько раз хотелось время назад вернуть.

Вчера я переступил черту, после которой пути назад уже нет.

— Ты и правда её любишь, — глядя куда-то вдаль, восхищённо сказал Сатоя.

— Что, а ты не верил?

— Ну, не скажу, что сомневался... Но до конца уверен не был. Всё же это безответные чувства к матери подруги детства, живущей по соседству, которая тебя на десять лет старше.

— ...

Это... Ну да, так и есть.

Наверняка это странно любить мать подруги детства.

Я и сам это понимаю.

К тому же... Я продолжаю любить Аяко-сан уже десять лет.

Всё думал, что хочу с ней встречаться.

— Что у тебя там было? За эти десять лет ты ведь и ванную с ней принимал и видел Аяко-сан голой.

— Н-ну тебя. Какого-то извращенца из меня делаешь.

— Но ведь вы мылись вместе?

— ...

Мылись.

Мылись, и голой я её видел.

Но тогда мне десять было, она совсем из-за этого не переживала и не прикрывалась... Потому я видел всё, чего было нельзя.

— Ты видел её голой десять лет назад, не мог этого забыть и до сих пор любишь... Ну и извращенец ты, Такуми. Прямо сталкер.

— ... Заткнись. Мы просто мылись вместе тогда.

Ну... Не могу отрицать, что после совместных купаний я начал воспринимать её как женщину.

Но дело не только в этом.

Одним этим дело не ограничивается.

Чувства, которые длятся уже десять лет парой слов не выразить.

— Ну, в определённом смысле это потрясающе. На других девушек ты даже не смотришь, а любишь уже десять лет только одну. Как же близко держатся извращение и невинная любовь, — с пониманием, говорил Сатоя. — Я могу понять друга, который разглядел очарование красивой мамочки. Моя мать для меня уже немолодая женщина, но вот чужие мамочки и мне казались привлекательными... Но это скорее детские фантазии. Обычно от такого быстро отходят.

— ...

— Но тебя твои чувства и в двадцать лет держать. За такое время даже фальшивые чувства станут настоящими.

Протянув руку к моей голове, он говорил это с восхищением и издёвкой.

— Главное, что ты донёс свои чувства. Правильно сделал, что признался. Молодец. Давай похвалю.

— ... Заткнись. И завязывай уже.

Я отмахнулся от руки, которой он собирался меня погладить.

— Но всё же как-то отстойно, что ты ей спяну признался.

— Ух... Н-ну да...

Вот об этом я больше всего сожалею.

Признался, но при каких обстоятельствах.

— ... А, Аяко-сан тоже виновата. Сама предложила это, сказала, чтобы рассказал обо всём любимой девушке... Вот я и распалился.

— Так она не думала, что ты её любишь. Конечно удивилась.

— ... Ну, верно.

Вчера вечером и сегодня утром Аяко-сан была всё ещё обескуражена.

Похоже она не замечала мою благосклонность.

— Как-то... Мне теперь неловко. Своим признанием я только проблем прибавил.

— Такая уж штука признание, — со знающим видом сказал Сатоя.

— Набраться храбрости и сказать, о чём думаешь... Вроде это и прекрасно, но на деле может просто подорвать отношения между людьми. Хорошо, если всё удачно пройдёт, но в случае неудачи пострадают все. Не только тот, кто признался, но и тот, кто отказал, будет мучиться от стресса и страдать.

Безжалостные слова омрачили меня.

Но Сатоя прав.

Я сбросил просто огромную бомбу. Признание — это смертельное оружие, завёрнутое в прекрасные слова, которое может уничтожить отношения между людьми...

Наши отношения уже не станут такими, как раньше...

Если она откажет, и даже если предложит «давай всё оставим как было» и будет улыбаться как раньше... Уже не сможет вести себя со мной как с другом детства своей дочери.

А я разрушу те отношения, что были у нас в течение десяти лет...

— Твоё будущее зависит от ответа Аяко-сан.

— Ага...

Ответа я пока не получил.

Я и сам затягивал с тем, чтобы услышать ответ. Вчера и с утра сбежал, так и не услышав ответа. Сказал, что не требую ответ сейчас, но это не так, я просто боялся его услышать.

Но вечно бегать не получится.

Я тяжело вздохнул.

Напившись, я признался... Совру, если скажу, что не жалею об этом, но в какой-то мере я был готов к этому.

Рано или поздно это бы случилось.

Я бы уже скоро оказался на пределе.

Всё же нестерпимо обидно, что любимая женщина обращается с тобой не как с мужчиной, а как с ребёнком.

Работа и домашние дела в этот день не клеились.

Хотелось сосредоточиться на чём-то и обо всём забыть, но мысли никак не выходили из головы. Я ни о чём не могла думать, всякий раз вспоминая признание Таккуна.

Как давно мне парни признавались?

В школе несколько раз... Но.

Так серьёзно это сделали впервые в жизни.

Из-за того, что Таккун донёс до меня свои чувства... Голова вообще не соображает.

— Я дома. Мама, что на ужин... А это что?

Как и всегда вернулась Миу, и поразилась, когда увидела, какая я жалкая в гостиной распласталась. Постиранные вещи так и не убрала, уборку не закончила, ноутбук и материалы не доставала. Всё на полпути бросила.

В комнате был бардак.

Прямо как у меня в душе...

— Что случилось, мама? Что происходит?

— ... А, с возвращением, Миу. Ах... Уже так поздно.

Я наконец заставила себя подняться с дивана. Я посмотрела на часы, было уже больше пяти часов. Думала немного отдохнуть, а потерялась в своих мыслях на три часа.

— Прости, сейчас приберусь. И это... Может поужинаем вне дома? Я ничего не приготовила.

— Тогда ладно... Но ты точно в порядке, мама? Может тебе нездоровится? И с утра странно себя вела.

— В-в порядке. Всё нормально... — ответила я и стала складывать бельё.

— ... У тебя с братиком Таку что-то случилось? — с подозрением спросила Миу. А у меня вещи из рук выпали.

— А... Ч-ч-что?..

— Вы оба с утра себя странно вели... Вчера вечером, когда я спать пошла, что-то случилось?

— Н-н-ничего! Ничего не было! А-ха-ха, странные вещи ты говоришь... А-ха, а-ха-ха! — старалась выкрутиться я и пошла взять попить из холодильника.

От напряжения в горле пересохло.

— Быть не может... — сказала Миу.

Голос был спокойный, но сказала она нечто шокирующее.

— Братик Таку тебе признался?..

— ... М?! Ай!

Поражённая, я врезалась.

Совсем забывшись, ударилась об холодильник.

«Бамс», — прозвучал звук.

— Ну точно, — вздохнула Миу, пока я потирала лоб.

— Н-н-нет же! Я совсем не паникую...

— Вот как. Значит признался.

— ... Биться головой обо что-то даже по... А?

— Да уж, и так вся затянулось.

— П-п-погоди-ка, Миу... С-с-стой. Это, а? Послушай...

Я была в замешательстве.

Стоп, подождите-ка. Чего Миу такая спокойная? Что-то реакция совсем другая. Она не удивлена.

Мне Такун признался! Сказал, что любит меня!

Это ведь важно!

Неужели...

— ... Ты всё знала?

— Знала... Ты про то, что братик Таку в тебя влюблён?

— А-ага...

К-как неловко!

Когда говорят такое, мне очень стыдно.

Это дочь сказала, а всё равно стыдно!

— Ну заметила. По братику Таку всё видно же. Но ты твердолобая, потому и не заметила. И всё не так поняла. Думала, что он в меня влюблён.

— ... М!

— Твердолобая ты, и интуиция у тебя не работает.

— Т-так ведь... — под пристальным взглядом дочери я старалась оправдаться. — Ты ведь... Понимаешь. Между нами десять лет разницы. Я для Таккуна старая... Просто тётенька, живущая по соседству...

... Самой обидно от таких слов.

Но это правда.

Для молодого парня я уже немолодая женщина. Для меня в мои двадцать тридцатилетние уже все старушками были.

Потому... Я о таком даже подумать не могла.

Что в меня влюбится мальчик на десять лет младше.

— Ну, для меня ты и правда уже не молодая, но для братика Таку это не так, — не особо поддержали меня слова поддержки Миу. — в любви разница в возрасте — не помеха.

— Это...

Я и сама Таккуну это сказала.

Предложила действовать и сама же напоролась.

— ... Я думала, Таккун тебя любит.

— Говорю же, ты всё не так поняла.

— Всё же он каждый день тебя провожал...

— Просто хотел с тобой увидеться.

— И так старательно с учёбой тебе помогал...

— Потому что ты попросила.

— ... Когда я простывала, чтобы тебе легче было, всё время за мной присматривал...

— Это тоже, что ни думай, ради тебя.

— ...

После всего сказанного оставалась лишь замолчать.

А? Погоди-ка.

То есть... Все чувства к Миу, это на самом деле чувства ко мне?

— ... Из-за любви ко мне он приходит каждое утро, из-за этого же помогал тебе с экзаменами и за мной присматривал, когда я болела... Чего? Таккун настолько сильно меня любит?!

— Настолько.

— А... У, а, ува...

Я вообще дар речи потеряла. Лицо просто пылало. Почему так? Ничего не понимаю. Почему в старушку вроде меня влюбился двадцатилетний парень?

— И как поступишь? — спросила Миу, пока я пыталась справиться со смущением.

— Как поступлю?..

— Будешь встречаться с братиком Таку или нет?

— Х-хоть ты и спрашиваешь...

— Я уже говорила, за меня переживать не обязательно, — сказала Миу, усевшись на диван. — Мне уже пятнадцать и я не собираюсь мешать матери в личной жизни. Скорее уж... Поддержу.

— П-поддержишь?..

— Ага. Если ты выйдешь замуж за братика Таку, я буду только рада.

— Выйду замуж?.. Ты что такое говоришь?!

У меня признанием голова забита, о том, что дальше я вообще не думала.

Свадьба.

Я и Таккун поженимся... А, нет. Нельзя думать о таком!

— Мне нравится братик Таку.

Пока я паниковала, Миу сказала нечто невероятное весёлым тоном.

— Как мужчина он не в моём вкусе, но как человек он мне нравится, и я его уважаю. И его я могу папой звать. Очень даже неплохо, когда папа такой молодой.

— ... П-прекрати, Миу. Хватит над взрослыми издеваться.

— Да я и не издеваюсь, — опустив голову, она вздохнула.

Лёгкий тон куда-то пропал, и девушка заговорила серьёзнее.

— Я... Тоже чувствую вину. Я ведь по сути посторонняя, а ты свою молодость на меня потратила.

У меня перехватило дыхание.

Сердце с болью сжалось.

— Ты ведь такая красивая, а ни с кем не встречаешься, и это из-за меня. Жертвуешь своей жизнью ради меня...

— ... Миу. Что ты говоришь? — сказала я. Сурово сказала. Должна была сказать.

Я обязана была возразить ей.

— Я никогда не считала тебя посторонней. К тому же... Я вообще не считаю, что пожертвовала своей жизнью ради тебя. Скорее... Наоборот. Ты мне столько дала... — голос стал решительнее.

Глаза начали гореть, я готова была заплакать.

— Эй, Миу... Ты помнишь? День, когда ты впервые назвала меня мамой... Уже после того, как я взяла тебя...

— А, всё, поняла. Хватит, хватит, — она меланхолично начала отмахиваться.

Я была так взволнована, а она такая спокойная.

— Хватит. Не надо этих трогательных баек.

— Что?!

Какие ещё трогательные байки?!

Я тут такую замечательную историю рассказать собралась! Должны были расчувствоваться от прекрасных воспоминаний, думала, мы обнимемся!

— Мама, ты как выпьешь, начинаешь в слезах об этом рассказывать. Хватит, я уже слушать устала.

— У...

— Ну, неправильно я выразилась, когда сказала, что ты пожертвовала. Просто могла бы в своей опеке и любви посдержаннее быть.

— Э-это...

Ну.

Это и правда так.

Я как бы любовь или мужчину себе не ищу, и когда Миу уйдёт, я не знаю, смогу ли кого-то себе найти... Но её существование при том, что я и так в любовных делах не разбираюсь, только осложняет дело.

— Мама. Для меня ты и правда как родная, — сказала Миу.

Такие прекрасные слова, только взгляд спокойный.

— А ты меня считаешь своей родной дочерью, верно?

— А-ага...

— Ну так пойми. Ты желаешь мне счастья, а я желаю счастья тебе.

— ...

— Я конечно рада, что ты в первую очередь обо мне думаешь, но может будешь и о своей жизни думать?

— ...

Я ничего не могла сказать.

В этом споре я проиграла...

Задавленная аргументами даже бурчать не могла.

— Т-ты стала такой взрослой, Миу... — сдавшись, сказала я.

Пятнадцатилетняя дочь стала взрослее, чем я думала. Как мать я одновременно рада и опечалена.

<http://tl.rulate.ru/book/71226/1906379>